

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

— Стол — тридцать рублей, пять стульев по восемь рублей, шкаф — два миллиона...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

50

Мы лежали под полосатым тен- том и, как полагается отпускни- кам, швыряли в море гальку и бе- седовали на разные малозначитель- ные темы.

— У меня же есть любопытная но- велла о товарище Филантьеве и од- ном нефтяном магнате,— сказал ин- женер Карпович.

Мы приготовились слушать.

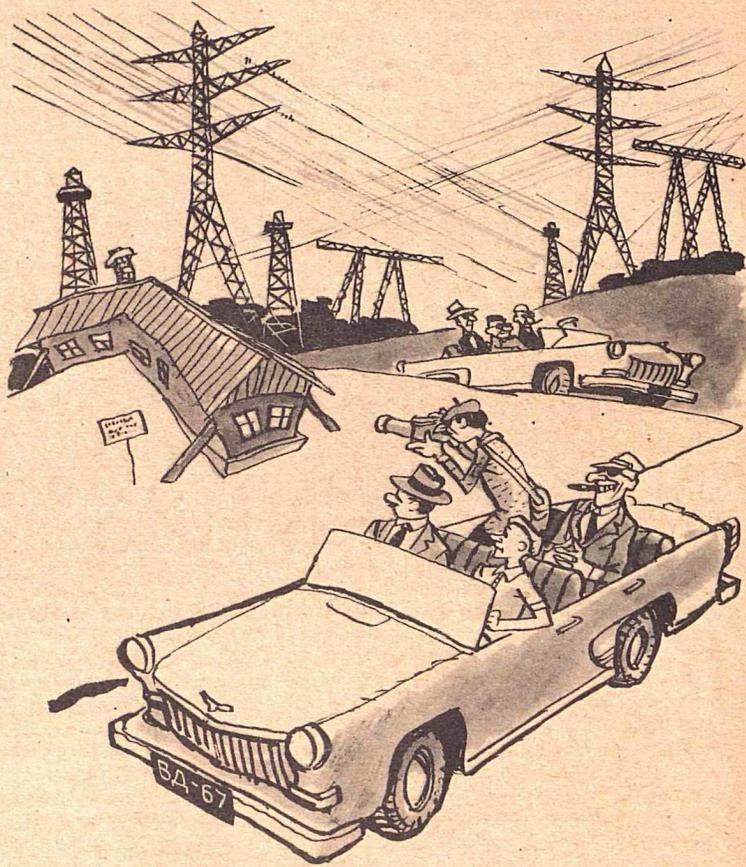
— Я работаю,— начал инженер,— в городе нефтяников Бокшайске. Наш город не уходит корнями в толщу истории. Во всяком случае, дороги, построенной римлянами, в Бокшайске не найдешь. В нем на каждом шагу встречаются старожилы, которые родились при закладке города, а им всего шесть лет от ро- ду. Два учреждения работают у нас с предельной нагрузкой: загс и родильный дом. В поликлиниках очередей нет. И в этом нет ничего удивительного. Средний возраст го- рожан 25 лет.

Не так давно в Бокшайск прислали ведать коммунальным хозяйством товарища Филантьева, человека по- жиллого, бывалого, работавшего, так

на рынке крахмальные халаты. Под- красить фасады на главной улице.

— Красить фасады следует в по- рядке повседневной работы,— уже недовольно отвечает председатель.

— Извините за критическое заме- чание,— говорит Филантьев,— но вы человек молодой, и, естественно, в таких вопросах у вас нет надлежа- щего опыта. Я же в этих мероприя- тиях административную собаку съел. Приведу лишь один случай из моей богатой и тревожной практики. Когда я был завкоммунхозом в Ма- карьевске, к нам приехало одно большое руководящее лицо, чтобы выступить перед будущими избира- телями. По дороге с аэродрома в город стояли три десятка развалюх, которые сильно портили пейзаж. По моему предложению перед разва- люхами установили глухой забор и навесили на него рекламу: «Вас все- гда я уверяю: кекс «Весенний» — лучший к чаю!» — и еще доски пока- зателей по тереблению льна-долгун- ца и разные обличающие лозунги о происках империалистов. Получи- лось очень неплохо. Начальственное лицо спросило, почему забор тянет- ся на три километра, и мы сказали, что здесь намечается строительство гигантского комплекса «Макарьев- ские Лужники». И представьте, на- чальству идея понравилась, и оно в будущем помогло нам с ассигнова- ниями, и мы отгрохали такой комп- лекс, что в него могли вместиться от мала до велика все жители Ма- карьевска и еще двух городов смеж- ных областей.

ПОВЕСТЬ О ТОВАРИЩЕ ФИЛАНТЬЕВЕ

сказать, при разных руководствах. Как-то вызвал его председатель гор- совета и говорит:

— Силантий Кузьмич, завтра к нам прибывает иностранная делега- ция. Покажите ей город и все такое прочее.

— А кто прибывает? — спрашива- ет Филантьев.— Оттуда, с капзапада?

— Оттуда.

— Это хуже,— отвечает Силантий Кузьмич.— Нельзя ли вместо меня выделить другого?

— Чего вы так всполошились? — удивился председатель.

— По совести говоря, неохота мне с ними общаться. Неохота контакти- роваться. Среди них попадаются страшные антагонисты. Напишут про Бокшайск в какой-нибудь «Мэйли дэйли» паскудный пасквиль и еще, стервецы, меня приплетут.

— Пустое! — говорит председа- тель.— Нам не привыкать. За пятьде- сят лет чего только о нас не писали! И то, что мы в шкурах ходим и жен национализируем. Не говоря уже о том, что некоторые господа с Запада Советскую власть хоронили чуть ли не каждый месяц. Так что лишняя микробрехня не должна вас волновать, Силантий Кузьмич.

— Однако,— говорит Филантьев,— я опасуюсь международного резонанса.

— Начхать на резонанс,— не- сколько грубовато отвечает предсе- датель.

— Все же,— отвечает Силантий Кузьмич,— напрасно вы не предуп- редили меня заранее. Мы бы получ- ше подготовились к их прибытию.

— Зачем готвиться?

— Не говорите. Кое-что не вредно было бы сделать. Например, подба- вить наглядной агитации. Выложить в сквере из белых кирпичей лозунг: «Миру — мир!». Выдать колхозникам

— Обойдемся без лозунгов, крах- мальных халатов и гигантских комп- лексов,— уже хмуро сказал предсе- датель.

Филантьев пришел домой расстро- енный и сказал жене:

— Приготовь, мать, парадные шмотки, мне придется встречать деле- гацию из капстраны.

— Ах, как интересно! — восклица- ет дочь Сима.— Тебе, мамочка, тоже надо подумать, что надеть.

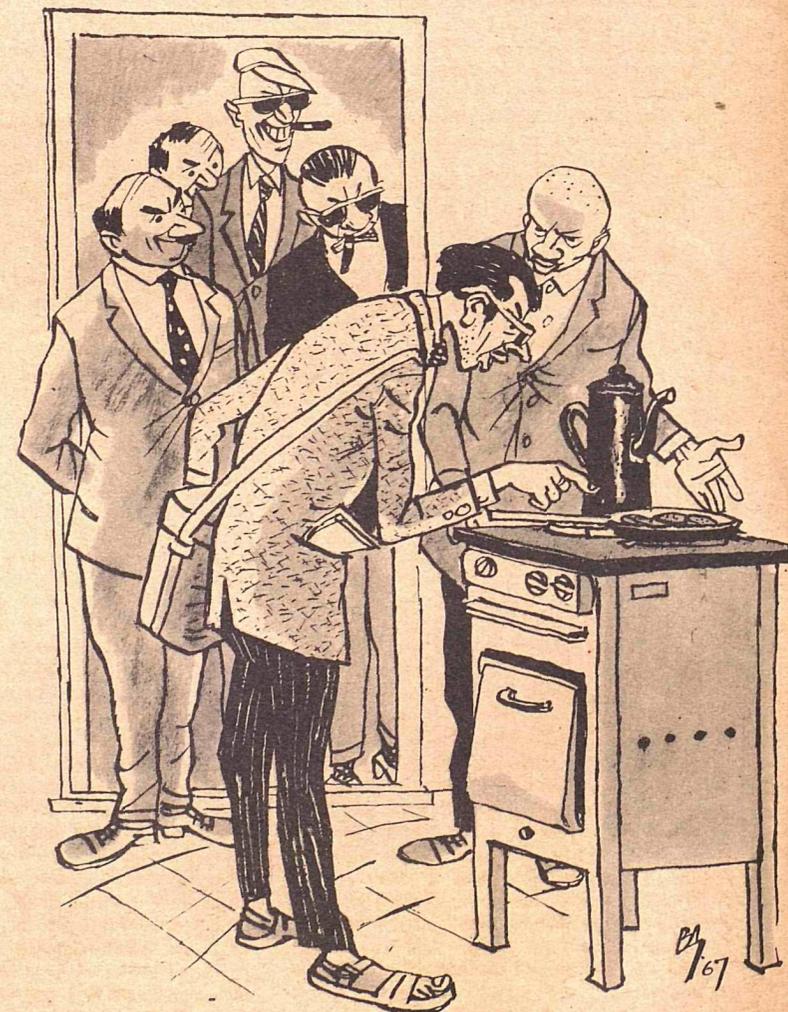
— Мать тут ни при чем,— отвечает Филантьев.— Она не жена посла или торгового атташе, чтобы встречать в такое дело!

— Ты, папа, плохо читаешь газе- ты,— замечает дочь Сима.— Если делегация приезжает с женами, то и встречать ее нужно с женами. Так что я предлагаю мамочке на- деть джерсовый жакет и мини- юбку.

— Не морочьте отцу голову мини- юбками,— говорит Филантьев,— тем более, я не имею представления, что это за наряд, и, возможно, он давно осужден нашей общественностью. И вообще не трогайте меня! Вашего отца мучают тяжелые предчувствия, что вся эта дипкарусель добром не кончится!

На следующий день Силантий Кузьмич поехал с переводчиком встречать делегацию. Переводчик оказался Филантьеву легкомыслен- ным парнем, со слабой идейной за- калкой, и это еще больше расстрои- ло Силантия Кузьмича.

Ровно в 10 часов к зданию аэро- рома подрулил самолет, и из него вышли пять довольно прилично оде- тых господ. Только один был в жеваном костюме и галстукке, съехав- шем набок. Силантий Кузьмич толк- нул небольшую приветственную ре- чугу и пригласил гостей в буфет. Все отказались, тлько туристы в жеваном

костюме пропустил три рюмки «Столичной», закусив бутербродами с черной икрой. Затем они сели в машины и, не заезжая в гостиницу, отправились осматривать город. Они катили по новеньким улицам, мимо новых площадей, и новых магазинов, и новых скверов, в которых на деревьях росла новенькая весенняя листва. Туристам город понравился, только Арчи Фэтлок — вытуженный тип с тонкими, будто нарисованными усиками — сказал, что хорошо бы посетить окраины. Поглядеть на местные трущобы. Они поехали на окраину, за ней начиналась полярная степь с буровыми вышками и мачтами высокого напряжения, на которых висели гроздь фарфоровых бананов, поддерживающих почти невидимые издалека провода. И здесь Арчи Фэтлок с радостью наткнулся на обшарпанный, будто скрюченный подагрой барак с грязными потеками и лишаями на стенах, выкрашенных к тому же противной желтой краской. Фэтлок задергал нарисованными усиками и не без ехидства отметил, что в этом городе «не все дома хрустят, как новенькие долларские бумажки». В ответ переводчик прочел надпись на доске, прибитой к фасаду барака, из которой явствовало, что он сохранен как памятник Бокшайской старины в наизидание потомству. Турист в жеваном костюме загоготал и сказал, что Арчи проиграл, он должен поставить мистери Филантьеву бутылку виски.

Во время обеда гости здорово подзаправились, и господин в жева-

Фэтлок не ткнул пальцем в пятиэтажный дом с черными швами, окаймлявшими крупные блоки.

Туристы обошли несколько квартир, и хотя все в них выглядело довольно-таки мило — чистота, новая мебель, бытовая механизация, — лицо отуженного господина выражало брезгливое любопытство и перманентное недоверие. Он, как ищущий, рыскал по квартирам, принохивался, ощупывал мебель, забегал в уборные, пробовал, действуют ли спуски, топтался в кухнях и даже заглядывал в кастрюли. В конце концов он сказал, что люди в Бокшайске живут тесновато. И вот тут товарищ Филантьев решил, что наступила пора действовать. Он оставил переводчика с группой, а сам взметнулся на следующую этаж. Забежал в первую попавшуюся квартиру и там обнаружил одного оборотистого гражданина по фамилии Цапкин, который работал в области материально-технического снабжения. Затем забежал в соседнюю квартиру и нашел в ней старика, который жарил на газовой плите котлеты. Силантий Кузьмич свел его со снабженцем и быстро объяснил им ситуацию. Он попросил Цапкина сказать, будто обе комнаты принадлежат ему и сыну, а старик приехал к ним погостить. Старик начал было кочевряжиться и говорить, что он не видит надобности в таком глупом обмане, на что Филантьев ему ответил:

— Если большие интересы родного города требуют маленькой лжи, в этом ничего дурного нет!

лантьев, — он подрубают этого типа своей сильной сатирой».

— Речь идет не о бассейне, — продолжал отуженный Арчи. — Ваши комнаты одинаково обставлены. Комнаты-близнецы. Там сервант, здесь сервант, там тахта, здесь тахта, там полированный стол и шесть стульев с красной обивкой и тут полированный стол с такими же стульями. Я не говорю уже о двух вешалках...

— Все? — спросил чуть растерянно Цапкин.

— Нет, не все. И в той и в другой комнате стоят одинаковые книжные шкафы и, судя по корешкам и переплетам, книги тоже одинаковые...

— Верно, — сказал пожилой турист, знавший русский язык. — Там Пушкин и тут Пушкин, там Бальзак и тут Бальзак, там Шекспир и тут Шекспир...

— Больше замечаний нет? — промямлил унылым голосом Цапкин.

Арчи Фэтлок засмеялся каким-то противным иностранным смехом и говорит:

— Хотите знать, что меня еще поражает? На кухне два совершенно одинаковых набора посуды, и на сковородках жарятся одинаковые котлеты.

Арчи торжествующе замолчал, а прогрессивный жеваный господин загоготал, полюбил Силантия Кузьмича за плечи и весело сказал, что на этот раз проиграл Филантьев и ему следует выставить бутылку русского виски...

После этого все спустились вниз и

он живет. Первый раз в жизни встречаю такого оригинала...

Я не буду описывать конец этого неприятного разговора. Скажу только, что, когда туристы ушли, товарищ Филантьев открыл форточку, чтобы глотнуть немного свежего воздуха.

— М-да, — заметил председатель, — получилось нехорошо и глупо!

— Подумать только, какой злобный тип! — сказал Силантий Кузьмич, набравшись в форточке кислорода. — Вся дорога под нас копал. Сразу видно, что он заядлый магнат!

— Тип с усиками вовсе не магнат! — сказал переводчик. — Он корреспондент желтой газетенки. Что же касается туриста в жеваном костюме, то он действительно богач, владеет нефтепромыслов в одном из княжеств Персидского залива.

— Вот это новость! — несказанно удивился Филантьев. — Он производил впечатление прогрессивного туриста!

— Нашли демократа! — возразил переводчик. — Я сам слышал, как он сказал Фэтлоку, что ему бы не хотелось, чтобы его цветные рабочие когда-либо увидели такой город нефтяников, как Бокшайск!

— В свете всего вышесказанного, — уже официальным тоном произнес председатель, — я хочу задать вам вопрос, товарищ Филантьев. Какого черта вам понадобилось выдумывать эту дурацкую историю с Цапкинским?

— Видите ли, когда я услышал нахальное замечание относительно

Т Ъ Е В Е И Н Е Ф Т Я Н О М М А Г Н А Т Е

ном костюме уже дружески хлопал Силантия Кузьмича по плечу и говорил, что все «о-кэй!». И товарищ Филантьев подумал, что это наиболее прогрессивный турист. Вероятно, мелкий служащий, работающий, которого нещадно эксплуатируют сволочные финансовые спруты или стальные магнаты.

После обеда Филантьев предложил гостям малость соснуть, но неугомонный Арчи Фэтлок сказал, что времени в обрез, он хочет посмотреть дома изнутри, узнать, чем живут и дышат люди Бокшайска. И тут для товарища Филантьева наступили самые ответственные часы и минуты. Правда, он к ним подготовился. Он заранее наметил дом на Советской улице, куда завезет гостей, и предупредил об этом жильцов. Силантий Кузьмич просил хозяек воздержаться от кухонных свар, а их мужей не нарушать морального кодекса. Он просил также приглядывать за находившимися на бюллетене нефтяниками, которые иногда занимались самолечением: глушили гриппозные вирусы водкой с перцем. Дворникам же Филантьев приказал надеть крахмальные фартики и не есть в тот день лука и чеснока, чтобы не сшибать каптуристов с ног малокультурным запахом.

Филантьев совершенно спокойно привез гостей в этот организационно подготовленный дом. И тут ему опять поперек дороги встал отуженный господинчик Арчи Фэтлок. Он задергал усиками и сказал, что хочет в другой дом. Напрасно Силантий Кузьмич доказывал, что лучшего здания не найти, Фэтлок уперся, как молодой бычок. Переводчик подумал: чем так маяться, лучше отступить. И предложил ему выехать дом по своему вкусу. Они медленно поехали на машине, пока

Цапкин поддержал Силантия Кузьмича.

Когда туристы поднялись наверх, они застали у Цапкина старика, который пил чай с клубничным конфитуром, и Филантьев подумал, что все складывается как нельзя лучше.

Резвый Цапкин начал показывать свою однокомнатную, со вкусом обставленную квартирку. Правда, в ней было несколько тесновато из-за двух книжных шкафов, забитых литературой. И это опять не без ехидства заметил отуженный Арчи.

— Вы поспешили со своими заключениями, — сказал Цапкин. — У нас с сыном есть еще одна комната. — И он повел их к старику.

Арчи Фэтлок внимательнейшим образом осмотрел комнату, кухню, ванную и спросил через переводчика:

— Уважаемый мистер Цапкин, разрешите задать вам пару вопросов.

— Хоть десять! — ответил Цапкин.

— Вы сказали, что в двух комнатах живете с сыном. Почему же у вас три тахты?

Цапкин посмотрел на Филантьева и, не моргнув глазом, ответил:

— Между прочим, ко мне иногда приезжают с периферии родственники. И я имею обыкновение класть их не на пол, а на тахту. Если за рубежом другие порядки, то это меня крайне удивляет.

«Ай-да Цапкин, ай-да хват! — с радостью подумал Филантьев. — Такому палец в рот не клади».

— Тогда у меня есть еще один вопросик, — продолжал настырный интурист. — Почему вы так странно обставили квартиру?

— А что в ней странного? Может, вы намекаете на зимний сад или бассейн для плавания? Так я против этих излишеств.

«Вот это острослов, — подумал Фи-

поехали в горисполком. Тут-то начались для товарища Филантьева основные неприятности.

Председатель горисполкома попросил гостей поделить со своими впечатлениями, и небрежно одетый господин ответил за всех, что город вполне современный и во многих отношениях весьма интересный. Следом вошел разговор Арчи Фэтлок.

— Нельзя ли узнать, если это не составляет государственной тайны, исходя из каких жилищных норм горожане получают квартиры?

— Секретов у нас нет, — ответил председатель. — Однокомнатные квартиры обычно получают одинокие или семьи из двух человек, двухкомнатные — из трех-четырех...

— А вот в доме по Советской улице отец и сын получили две однокомнатные квартиры...

— Такого случая я что-то не припоминаю.

Силантий Кузьмич сильно побледнел и, подмаргивая председателю, сказал:

— Евгений Николаевич, я освежу в вашей памяти этот факт. Там живет товарищ Цапкин. Его сын, известный новатор производства, в виде премии получил однокомнатную квартиру.

— Сейчас проверю, — сказал председатель, и прежде чем несчастный Филантьев успел опомниться, вынул из ящика большой блокнот и там нашел, что Цапкины получили однокомнатную квартиру. — Вы ошиблись, Силантий Кузьмич, — резко заявил председатель.

— Чрезвычайно загадочная история, — сказал отуженный Арчи, ерзя в кресле от расправившего его счастья. — Ошибся не только господин Филантьев. Выходит, сам Цапкин не знает, во скольких комнатах

того, что наши люди тесновато живут, во мне с необычайной силой разыгрались патриотические чувства.

— Ваш патриотизм вызывает во мне сильные сомнения! — жестко сказал председатель.

— Я не один год на номенклатурной работе, — ответил Филантьев, — и попросил бы более ответственно выдвигать против меня политические обвинения! Никто еще не сомневался в моем патриотизме.

— А я сомневаюсь, — опять сказал председатель. — И даже думаю, что грош ему цена. Истинный патриот гордится тем, что у нас есть, а не тем, что он выдумывает! А гордиться нам есть чем без вашей дурацкой брехни! Наш город возник за шесть лет в безлюдной пустыне, где на холмиках свистели суслики и бегали взад-вперед ящерицы. Да разве он один? Мы воздвигли сотни таких городов! В стране миллионы новоселов! И вы, ведающий хозяйством такого прекрасного города, выдвигаетесь перед господами, у которых на нефтепромыслах рабочие живут в глинобитных хибарах и домах, сбитых из ящиков и жести, и женщины рожают в песке, и дети мрут, как мухи...

Силантий Кузьмич мрачно выслушал это внушение и уныло сказал:

— Насколько я понимаю, в отношении меня назревает персональное дело?

— Вы не ошиблись, — ответил председатель.

Филантьев пришел домой в тяжелом моральном состоянии. А когда жена и дочь Сима начали приставать к нему с вопросами, он только отмахнулся и сказал, что тяжелые предчувствия его не обманули: нефтяные магнаты подвели его под персоналку!

С. ШАТРОВ

УМИРОТВОРИТЕЛИ

Марс: — Не удастся во Вьетнаме — попробуем здесь, в Америке.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО КРОКОДИЛА

НЕОПРАВДАНЫЕ РАСХОДЫ

НЬЮ-ЙОРК. Во время обсуждения бюджета города Сисайд Парк (штат Нью-Джерси, США) один из членов городского управления решительно высказался против предоставления финансовой поддержки городской библиотеке. «Я считаю такую статью расхода неоправданной», заявил он, — так как она не представляет интереса для всех граждан города. Мне известно, что я отнюдь не единственный человек в нашем городе, не любящий читать».

РАЗЪЯСНЕНИЕ КАННИБАЛОВ

НЬЮ-ЙОРК. В парижском издании американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн» опубликована заметка под заголовком «Недостаточно убивают». Речь идет о боях в дельте Меконга. Текст гласит: «Генералы, когда им нужны людские пополнения, дают пространственные объяснения. Однако главная причина ясна и проста: те войска, которые сейчас воюют во Вьетнаме, не уничтожают противника в достаточных количествах». Убивать надо быстрее, больше и «лучше» — таков девиз людоедов из Пентагона.

ДЫРКИ В ЭКРАНЕ

ГОЛЛИВУД. На просмотре нового фильма с участием известного

английского артиста Питера Селлера под названием «Бо Бо» критики бурно аплодировали «гениальной авангардистской находке в подаче вводных титров пролога». Они были видны лишь частично, отдельными буквами, обрывками слов и изображений участников.

— Гениально! — восклицали критики. — Зрителю предоставлено догадываться, чей это был нос, чьи уши!.. По буквам зрители должны восстановить имена и слова! Изумительно! Ново!

Через некоторое время, однако, выяснилось, что какой-то шутник перед началом демонстрации фильма вырезал в экране ряд дырок общей площадью в несколько квадратных метров.

НЕОФАШИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

БОНН. Бывший гитлеровский хауптштурмфюрер эсэсовских войск Вандемар Шутц является ныне одним из идейных руководителей неофашистов. Он ведет прессой НДП. Помимо многочисленных книг, брошюр и журналов, восхваляющих цели НДП, Вандемар Шутц является также автором «Политического словаря», в котором можно найти следующие перлы фашистской мудрости: «Германия начала вторую мировую войну лишь с целью защиты немецкого населения в Польше и в Данциге». «Это клевета, что в концентрационных лагерях были газовые камеры, а если они и были, то очень маленькие...»

Однако не следует думать, что герр хауптштурмфюрер кривит душой. Может быть, он искренне считает, что газовые камеры Освенцима были слишком малы...

САМОЕ ЖАРКОЕ,

«Ничего»

Американские пропагандисты ханжески разводят руками — что побудило негров выйти на улицы городов? Чем недоволен Чарльз Смит — обобщенный образ американского негра?

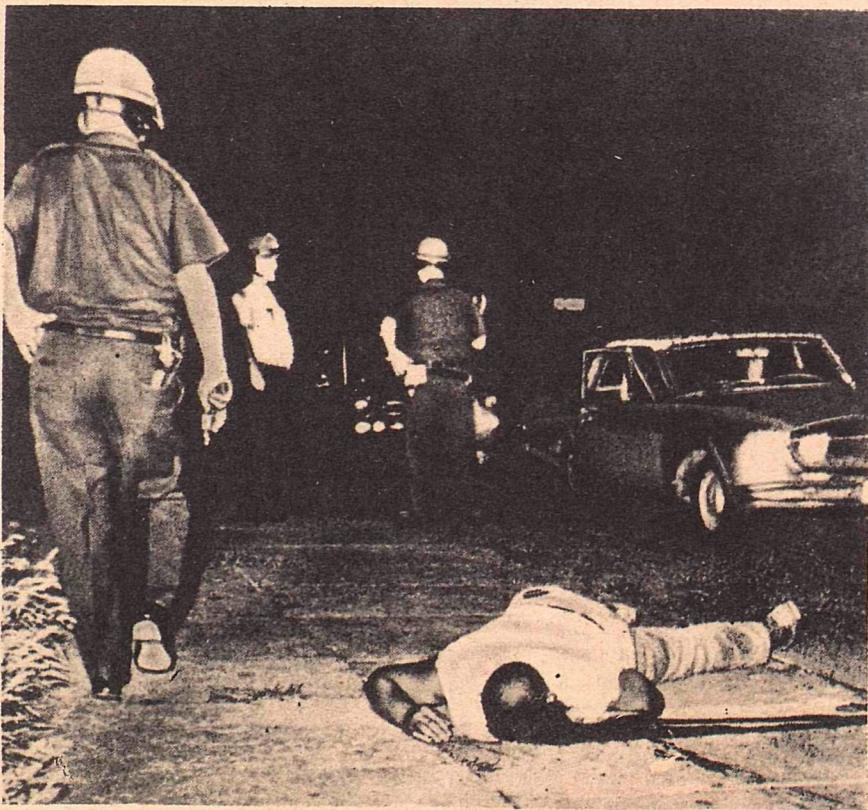
«У меня есть ответ для тебя, белый человек. Чарльзы Смиты никогда не имели ничего, ничего в полном смысле этого слова. И это «ничего» ужасно! С того дня, как Чарльз Смит появляется на свет божий, ему приходится довольствоваться объедками. Он живет в трущобах, в которых никто не хочет жить, он носит одежду, которую выбросил белый, он делает работу, которой пренебрегают другие. Наконец, ему в лицо бросают оскорбительное слово «ниггер». И тогда в нем начинает все восставать. Он видит белого, разъезжающего в роскошном автомобиле, он видит белого, живущего в большом доме, он слышит ложь от белых политиканов. И от всего этого в душе Чарльза Смита и его черных братьев рождается протест, и они восстают».

Эта история Чарльза Смита, поведавшая корреспондентом газеты «Крисчен сайенс монитор», — точное описание пружины, которая, раскручиваясь, привела к кровавым событиям в американских городах. Оскорбленные, униженные, доведенные до отчаяния Чарльзы Смиты восстали против правопорядка, который дает им лишь «ничего».

Все началось с происшествия. Фамилия негра была тоже Смит, только звали его не Чарльз, а Джон. Профессия — таксист. В жаркий, душный вечер 12 июля Джон Смит ехал в такси по улицам Ньюарка, высматривая пассажира. Впереди него медленно двигалась полицейская машина с двумя офицерами — блюстителями уличного движения и «чистоты белой расы». Смит попытался было обогнать разомлевших от жары и безделья полицейских, но, когда он поравнялся с их машиной, оттуда понеслись брань и выкрики: «Какого черта... Проклятье... Сукин сын». Смит был остановлен, брошен в полицейскую машину и избит. Еще один Смит испытал на своих боках прелесть американской «демократии», преподнесенной в виде дубинки и кулаков.

От этой искры и произошел взрыв возмущения в негрятских кварталах Ньюарка. На следующий день, по выражению журнала «Тайм», «пули цокали по мостовым города, а полицейские дубинки гуляли по головам негров». Губернатор штата Нью-Джерси Ричард Хьюз объявил Ньюарк «городом открытого восстания».

Ричард Хьюз ранее выдавал себя за либерала, друга негров и противника расовой дискриминации — так было удобнее наживать политический капитал. Дружеская забота Хьюза вылилась в кровавую расправу над неграми. Губернатор-либерал лично возглавил либерально-карательные операции и повел колонны полиции и национальной гвардии на штурм взбунтовавшихся трущоб. Полиция и войска вели огонь из пулеметов, автоматов и карабинов по домам негров. И вот кровавый итог: десятки убитых, тысячи раненых, взя-

Убитый полицией негр лежит на Малберри-стрит в Ньюарке. Полицейский с пистолетом в руке проходит мимо. Ведь есть еще живые негры...

САМОЕ КРОВАВОЕ ЛЕТО АМЕРИКИ

тых «в плен» и брошенных в тюрьму негров.

Среди жертв белого разгула в Ньюарке 73-летний старик и десятилетний негритянский мальчик. Джеймс Ратлидж был застрелен полицейским на улице. Озверевшие от вида красной крови и черной кожи полицейские продолжали решать убитого мальчика. Впоследствии на его теле было обнаружено 39 пулевых ран. Вот так по трупам детей, женщин и стариков либерал-каратель Ричард Хьюз пришел к своему «триумфу» и водрузил знамя расистов над негритянским гетто Ньюарка.

Гетто

...Гетто — это слово напоминает людям, что еще живо звероподобное существо, именуемое расизмом. В каждом американском городе для негров отведены специальные кварталы. Вокруг них нет заграждений из колючей проволоки и сторожевых вышек с пулеметами, но незримая граница нищеты и расовой ненависти крепче тюремных стен. Это граница, вдоль которой тянется глубочайшая социальная пропасть между белыми и неграми.

Пожалуй, самое ужасное из негритянских гетто США — ньюаркское. «Царство битого кирпича без единой травинки» — так называют Сентрал-Уорд — гетто Ньюарка. «Жить в гетто и чувствовать, как гетто живет в тебе, — это вызывает отчаяние», — заявила одна негритянка.

Отчаяние от того, что у тебя нет работы (более полутора миллионов негров ее не имеют). Отчаяние от вечной нужды, из которой нет никакой надежды выбиться (по заявлению министра юстиции США Кларка, около половины всех негров живет в крайней бедности). Отчаяние от невозможности получить образование («американское общество не способно предоставить хотя бы скромное образование девяти десятым негритянской молодежи», — писала газета «Вашингтон пост»). Отчаяние от вечного подавления человеческого достоинства.

Негры Ньюарка вышли на улицы с песней отчаяния:

Белые говорят, что богат Ньюарк,
А мне суждено прозябать
в трущобах,
В конце улицы я вижу смерть
и мрак,
Город без сердца этот Ньюарк.

Песня отчаявшихся негров Ньюарка была подхвачена по крайней мере в пятидесяти городах США. Негры и другие «цветные» вышли на улицы, чтобы заставить власти прислушаться к голосу униженных. Эстафету восстания у Ньюарка подхватил Детройт. Почти неделю над городом стояло пламя пожарниц и на улицах грохотали танки и бронетранспортеры. Прибывшие с санкции Белого дома войска получили приказ «уничтожать все, что движется».

Детройт умирляли отборные головорезы, прошедшие школу убийства в пресловутом Форт-Брагге — школе так называемых контрпартизан. Их готовили и тренировали для джунглей Вьетнама, а бросили в джунгли Детройта. Многие молодчики из карателей парашютно-десантной дивизии «Кричащий орел», орудовавшей на улицах Детройта, набили себе руку на расправах с мирными жителями Южного Вьетнама. Как заявил солдат Уоррен Андервуд, Детройт в дни восстания немногим отличался от полей сражений во Вьетнаме. «В какой ад попал я дома!», — с ужасом воскликнул Андервуд. Как и во Вьетнаме, «кричащие орлы» издевались над беззащитными жертвами. Детройт и Вьетнам — две стороны одной медали, именуемой «американской свободой».

Преемственность

...Есть в Капитолии — здании американского конгресса — так называемая «президентская комната». В этой комнате Авраам Линкольн подписал закон об освобождении рабов-негров. Спустя 104 года, в июле 1965 года, в этой же комнате была с большой помпой проведена церемония подписания президентом Джонсоном закона об избирательных правах негров. «Смотрите, какая преемственность традиций Линкольна!» — заливалась в то время от восторга американская печать. «Ушло в прошлое время несправедливости», — торжественно заявил тогда президент Джонсон, стоя перед мраморной статуей Линкольна.

Сейчас эти слова президента Джонсона вспоминают американские негры, видя, как убивают их детей и сжигают их дома, как бесчинствуют расисты в негритянских гетто.

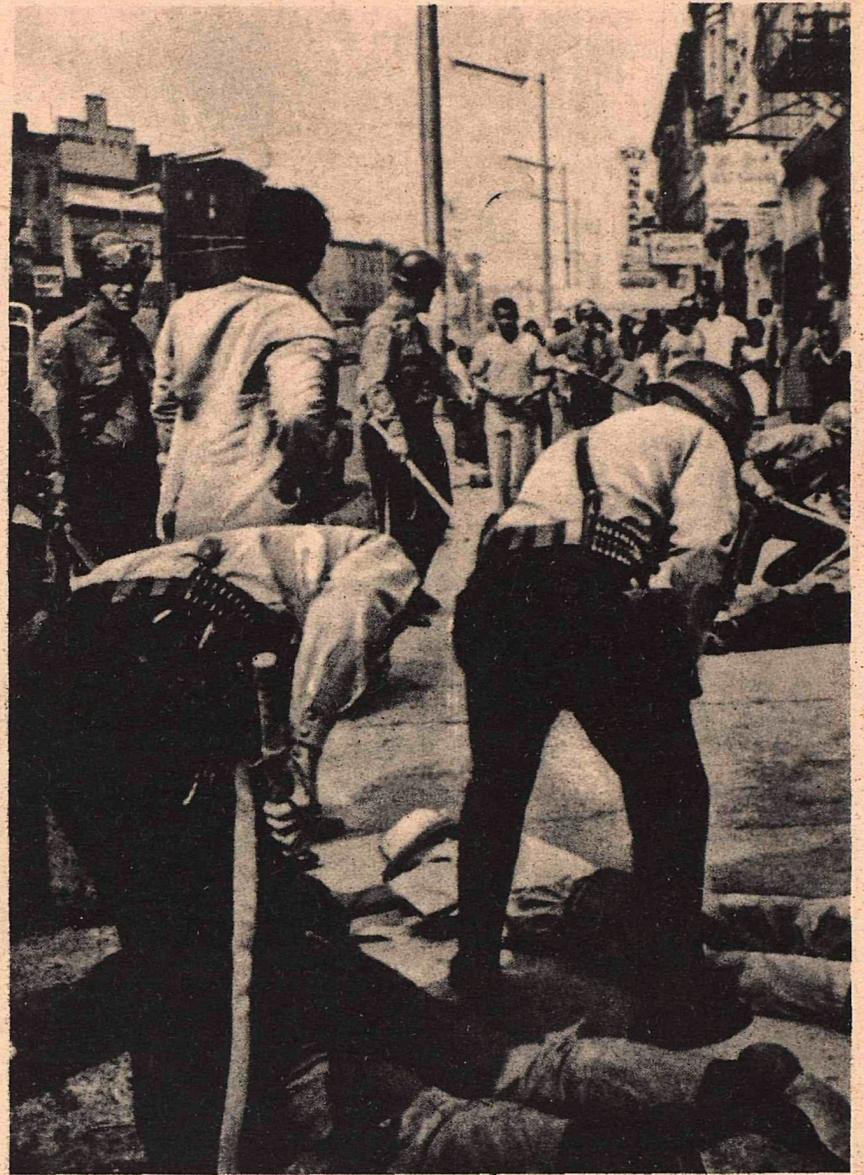
Впрочем, преемственность действительно существует — преемственность насилия, унаследованная нынешними расистами от бывших рабовладельцев.

Трагедия негров, начавшаяся три века назад, когда из Черной Африки привезли в белую Америку первую партию рабов, продолжается и поныне. Кровавые вехи расправ над неграми отмечают историю последних лет Соединенных Штатов.

В нынешнем году в США «самое долгое, самое жаркое и самое кровавое лето». Под сводами Капитолия раздаются человеконенавистнические призывы расистов-законодателей. «Расстреливать их на месте», — беснуется сенатор Роберт Берд. Ему вторят другие «представители народа», требующие «подавлять бунты с применением войск».

Не остался в стороне от плясок расистских шаманов и экс-президент США Эйзенхауэр. По его мнению, у полиции недостаточные полномочия и полицейские слишком церемонятся с неграми...

Одни белые расисты ловят чернокожих в прицеле, другие лихорадочно ищут «заговорщиков и подстре-

Для проведения повальных обысков негров полиция и национальная гвардия заставляют их ложиться прямо на мостовую. Осмотр проводится при помощи дубинки...

кателей, начавших настоящую войну против белой Америки. Они напрягают свое зрение, чтобы увидеть в последних событиях «руку красных». Под шумок о «заговоре бунтовщиков» обосновавшиеся на Капитолийском холме законодатели хотят расправиться с руководителями негритянского движения. Последних, по твердому убеждению сенатора-мракобеса Тауэра, следует ставить «перед взводом стрелков».

«Новое оружие» расистов

Восставших негров в Ньюарке, Детройте и других городах уже поставили перед полками и бригадами стрелков, но американские «отцы-законодатели» хотят поставить перед дулами винтовок все негритянское население страны. Именно эту цель

преследует скоропалительно протампованный палатой представителей так называемый «антибунтовщический билль». Этот билль — «новое оружие» в руках американских расистов. Теперь каждому, кого обвинят в «подстрекательстве к беспорядкам», грозит пятилетнее тюремное заключение и штраф в 10 тысяч долларов.

Приняв «антибунтовщический билль», конгрессмены в то же время провалили другой законопроект — о борьбе в городах с крысами, ставшими настоящим бичом американских трущоб. Поострив насчет крысиной проблемы, конгрессмены отказались выделить 40 миллионов долларов на «войну против крыс». Видимо, в американском конгрессе считают, что если детей бедняков (кстати, крысы не разбирают, где черные, а где белые) кусают крысы, то это не беда. В крайнем случае можно будет провести еще несколько карательных операций против обитателей гетто и сжечь их вместе с крысами.

Итак, проходит еще одно (которое уже по счету!) жаркое, кровавое лето Америки.

М. ЮРЧЕНКО

Бессильная истина

И вечные истины не вечны. Возможно, дважды два — все еще четыре, но от перемены мест слагаемых сумма уже меняется. Причем разница выглядит довольно внушительно.

Не все ли равно, куда сначала отправить партию фруктов: в Белгород или Барнаул? Мы недолго обсуждали этот вопрос: ведь общая масса поставок от очередности не меняется. Решили удовлетворить сначала Белгород, чтобы побыстрее получить обратно дефицитную деревянную тару. Тем более, что Белгородская лесоторговая база клятвенно пообещала возвратить ящики оперативно и в отменном состоянии.

И мы действительно получили в сжатые сроки, но не тару, а наскоро прихваченные гвоздиками гнилые дрова.

Сейчас барнаульские едоки поругивают, вероятно, наш Курганский плодосовхоз за нехватку вишен и помидоров. Да, мы виноваты. Мы не учли, что, когда имеешь дело с белгородскими лесоторговцами, на вечные истины полагаться нельзя.

В. КОЛГА,
главный агроном Курганского
плодосовхоза
Краснодарский край.

Теперь—гуляй

Молоко полезно для здоровья. Оно снимает усталость и освежает организм. Работники красильного цеха Унгенского райбыткомбината особенно сильно почувствовали это, когда им почему-то перестали привозить пол-литра молока в день.

— Не волнуйтесь, товарищи, я в курсе, — успокоил красильщиков директор комбината П. З. Сагатый. — Сейчас денег нет, что-нибудь придумаю. Ждите.

— Много сменилось прорабов на этой стройке?
— Сейчас посчитаю.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Упорный человек

Все началось просто. Автобус «Новошахтинск—Сомбек» шел переполненным. Пассажиры лужали семечки, стояли друг у друга на ногах и поругивали автобусное начальство.

— Товарищи, билеты все взяли? — спросила хозяйка автобуса.

На следующей остановке к ней протиснулся человек в шляпе:

— А не кажется ли вам, что когда честного человека спрашивают, взял ли он билет, не зайдем ли, дескать, едет он, то это — оскорбление?

— Но ведь я не к вам обращалась, — ко всем.

— Стало быть, и ко мне тоже.

Человека в шляпе звали Николаем Ивановичем Рыжиковым. Вставал он рано, ел два яйца всмятку и потом все думал, что бы

такого сделать честного. Четыре раза критиковал на собрании машинистку шахтоуправления, где работает маркшейдером, за синтаксические ошибки в деловых бумагах. Два раза вылавливал у себя в огороде соседскую курицу. А однажды разоблачил ответственного товарища, не платившего два месяца за электричество.

— Иные, знаете, — говорил он, — на шахте у нас часами под душем моются и еще воду за собой не закрывают. А я, даже когда мылюсь, прикручиваю кран.

В общем, жил Николай Иванович честно, по четвергам купал с женой детишек, а в свободное время читал пьесы драматурга Лопе де Вега. Потом сказал, что любви все возрасты покорны, и сбежал к

другой женщине. Купания по четвергам прекратились, начались алименты: треть зарплаты каждый месяц — за двоих детей, сына и дочь.

Это Николаю Ивановичу не нравилось. Новое семейное гнездо требовало денег. Надо было покупать сервант и фарфоровые чашки. И тогда Рыжиков пристально заинтересовался upholsteryными от него тридцатью тремя процентами зарплаты. Ему показалось, что нежелательную утечку можно сократить до двадцати пяти процентов. Для этого надо было совсем немного: доказать, что один из двух детей — не его, а чужого дяди.

— Но ведь это нечестно! — колебнулся было Николай Иванович.

И несколько дней колебался. Но потом в магазине появились фарфоровые

Ждать пришлось долго, но директор все же сдержал свое обещание. Лично прибыл в кабине грузовика. А в кузове трехтонки весело поблескивали на солнце алюминиевые бидоны, доверху наполненные свежим, прохладным, питательным молоком.

— Владимир Букатарь, распишись вот здесь. Получай свои семьдесят литров.

— Михаил Шварц, распишись.

— Мария Лунгу...

Сперва в толпе наступила паника, как будто молочные реки вышли из берегов, угрожая страшным наводнением. Наиболее робкие трусливо улизнули. Кто посмелее, вступил в переговоры с Петром Зиновьевичем:

— А не вредно ли выпить столько молока в один прием?

— Почему в один? — удивился директор. — Можно и в два. Позовите на помощь родных и близких. Мобилизуйте резервы.

Один из красильщиков просил заменить молоко маслом, по эквиваленту, разумеется. Но директор отказался обсуждать этот вопрос.

— Блага своего не видите! — раздраженно сказал он. — Раньше экономили, зато теперь — гуляй!

Интересно, как гулялось бы самому директору, если бы ему совсем перестали выдавать зарплату. А целиком выплатили потом, где-нибудь в 2000 году. Во была бы гулянка, а?

А. БРЫНКОВЯНУ

Молдавская ССР.

Туда и обратно

История кораблекрушений знает немало удивительных странствий бутылки. Бросит морячок-бедолага стеклянный сосуд с отчаянной запиской где-нибудь возле берегов Австралии, а он, глядишь, через каких-нибудь лет сто пятьдесят всплывает на другом конце земли, скажем, у берегов Норвегии.

Бутылкам производства Райчихинского и Магаданского стеколзаводов до таких рекордов еще далеко. Однако и они проделывают по-своему не менее удивительный путь.

Бутылки Райчихинского стеколзавода ползут сотни километров по железной дороге, мимо соседнего Хабаровска, где на них с вожделием поглядывают тамошние потребители, до порта Ванино. А оттуда — на пароходах до Сахалина.

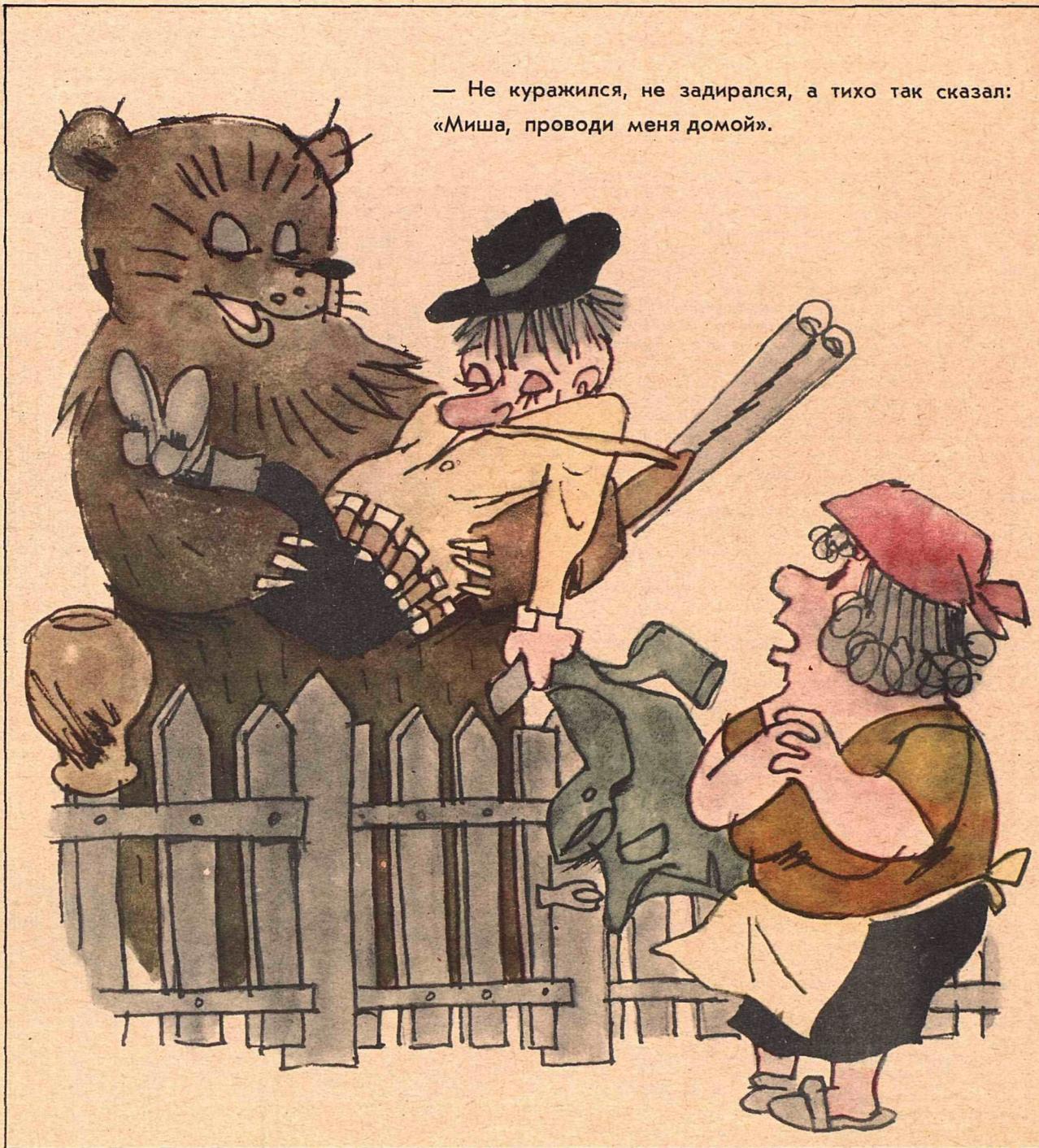
А магаданские бутылки, на пароходах доплыв в Ванино, проделывают путь до Хабаровска, только в обратном направлении.

В порту Ванино — просто и навардак. Возле парома на Амуре — навардак и просто.

Ходят слухи, что в райчихинских и магаданских бутылках порой находят записки примерно такого содержания:

«SOS! Спасите стекольные заводы! Тонем в океане расходов на встречные перевозки».

Р. Б.

— Не куражился, не задирался, а тихо так сказал:
«Миша, проводи меня домой».

ВЫШЕ В БОК!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

сервисы, и он понял, что пора действовать. Отложил Лопе де Вега, стал читать тонкий журнал «Фельдшер и акушерка». Регулярно бывал в медицинском отделе книжного магазина, интересовался соответствующей литературой. Скоро продавцы уже встречали его приветливой улыбкой. А завидев на улице, любезно предупреждали:

— Новинку, Николай Иванович, получили: «Физиология женщины при беременности».

— Гм, — отвечал Рыжиков. — А кто автор: кандидат или доктор?

— Доктор, доктор.

— Тогда оставьте.

По ночам он вникал в литературу, вычерчивал графики и, вооружившись логарифмической линейкой, подсчитывал лунные месяцы. Через некоторое время

графика, схемы и вычисления были готовы. Николай Иванович взял их в охапку и, придя в суд, вывалил на стол.

— Вот, — сказал он, тяжело дыша. — Разбирайтесь. Моя дочь — не моя дочь. Тут все доказано. Моя дочь не могла родиться с таким весом. Вес не соответствует лунным месяцам. Наука опровергает мое отцовство. Наука утверждает, что я должен платить двадцать пять процентов. Ни копейки больше.

В суде растерялись.

— Как, ведь девочке уже двенадцатый год!

— Гм, двенадцатый? А вы читали «Физиологию»?

Невежественные судьи не читали «Физиологии». Тем не менее они пытались убедить Николая Ивановича, что затеянное им дело не только странно (ведь

прошло столько лет!), но и жестоко, бесчеловечно. Что моральная травма, которая независимо от исхода дела будет нанесена девочке, отравит ее детство, юность. Что, наконец, сам этот иск чудовищно оскорбителен для женщины, матери двух детей, которых ей еще предстоит вывести в люди.

— Читайте «Физиологию!» — отрезал Николай Иванович и гордо вышел.

— Странные люди, — рассуждал он по дороге. — Будто мне хочется быть таким-растаким. Отдайте мне добровольно восемь процентов, и тогда посмотрим, кто из нас честнее.

Дело слушали. Доводы Рыжикова признали несостоятельными, в иске отказали.

— А это ничего, — сказал Николай Иванович. — Мы

добьемся своего. Я человек упорный.

С этими словами он отправился в магазин, но уже в юридический отдел, и закупил дюжину справочников. Обложившись ими, он писал заявления: а) в городской суд, б) в Ростовский областной суд, в) в Верховный суд РСФСР, г) в прокуратуру города, д) в областную прокуратуру, е) в прокуратуру РСФСР, ж) в прокуратуру СССР. И отовсюду получал отказы.

В маленьком городке слухи распространяются быстро. Вскоре друзья девочки и она сама узнали эту историю.

— Вы думаете, — любопытствует Рыжиков, — я поставил на этом деле крест? Ничего подобного. Сейчас готовлю новое заявление. Требую судебномедицинской экспертизы.

— Но послушайте, девочке уже четырнадцать лет! Через четыре года и алименты уже платить не надо...

— Ах! — перебивает Николай Иванович. — Какой вы недалевидный человек! Ну, а представьте, что через десять лет она выйдет замуж. И у нее будут дети. А потом, упаси бог, и она и ее муж умрут. И я как дед по закону обязан воспитывать внуков. Что вы на это скажете? Если я вот уже три года не могу доказать, что моя дочь — это не моя дочь, то как я докажу, что мои внуки — не мои внуки? И во что тогда обойдется моя порядочность?

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Новошахтинск,
Ростовской области.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Природу мы еще не покорили. В газетах то и дело пишут о дебошах тайфунов, разбое цунами, коварстве снежных обвалов.

Бродят-курлосят по-над землей циклоны и антициклоны.

Плюются туфом, булыжником, а также иными строительными материалами строптивые вулканы.

Выходят из берегов скромные, невинные на первый взгляд речки и безжалостно загоняют перепуганное население на окрестные холмы.

Не до конца изжиты землетрясения.

В свете этих трагических событий как-то померкло одно, тоже трагическое. Оно даже не померкло. О нем просто не писали.

В разгар рабочего дня и полуденной московской жары сотрудники столичного учреждения попадали вдруг со своих стульев на пол и лежали кто как до приезда «Скорой помощи».

Деловитые, расторопные врачи, естественно, привели сотрудников в чувство, а затем констатировали: причина коллективного обморока — дискомфортные условия микроклимата, аномальный температурный режим, чрезмерное содержание в воздухе углекислого газа, выдыхаемого самими же сотрудниками.

Сотрудники лежали на полу, виновные в том, что они выдыхают углекислый газ.

Кстати, они не были людьми слабыми, неупитанными. Они регулярно жевали калорийные булочки, московские батоны, ржаной, рижский, бородинский и орловский хлеб.

Но не единым хлебом сыт человек.

Человеку нужен воздух. Больше, чем хлеб, нужен!

Без хлеба житель нашей планеты может протянуть кое-как три недели. А если он особенно выносливый крепыш, то и четыре. Лишившись кислорода, тот же крепыш отправляется к праотцам через считанные мгновения.

Помести же человека в хиленькую атмосферку, где хоть немножко кислорода, — он еще живет, дышит. Только какой от этого толк? Вялый он, как вобла. И глаза у него, как у рыбкопчености, — туманные и глупые. Сидит, потеет, газеткой обмахивается, рот широко разевает.

Именно в такой хиленькой атмосферке мы подчас живем и работаем.

И как тут не завести разговор о воздухе, точнее, о микроклимате?

Изменить микроклимат, на мой взгляд, — задача более близкая, насущная, чем, допустим, поворот вспять морских течений или растопление полярных айсбергов с целью достижения повсеместного потепления.

Но эту задачу как-то обходят. Не говорят о ней, замалчивают.

Тут бы и перо в руки бойким репортерам. А бойкие репортеры пишут совсем о другом: «Вчера широко распахнуло свои двери светлое, солнечное кафе «Незабудка» — здание из сплошного стекла и стали, развернутое гостеприимным фасадом на юг».

Распахнули также — и, разумеется, гостеприимно, по-другому не бывает — свои двери гостиница, дом пионеров, универмаг, несколько учреждений и общеобразовательная школа.

Все из стекла. Все из стали. И все фасадом на юг.

А после того, как их заполнили люди, послышались нетерпеливые выкрики:

— Как бы распахнуть окна?

Увы, окон не было! Было сплошное стекло. Его можно было только разбить. Но это уже порча государственной собственности.

А разбить, между нами говоря, очень хотелось. Это я говорю после того, как объездил много разных московских точек «из стекла и стали». Я видел задыхающихся продавцов, взмокших от пота покупателей, обалдевших от духоты посетителей парикмахерских салонов, пребывающих в глубоком трансе кинозрителей.

И как порывался я закричать: милые вы наши строители, гордость вы наша, архитекторы — члены-корреспонденты и лауреаты! Неужели вы не подумали, что там, где в течение дня бывают тысячи людей, нужна хоть какая-то вентиляция, или, как по-вашему, воздухообмен? Зачем вы строите консервные банки? Хорошо консервировать судака, ряпушку, частички, кильку, салаку, но люди-то не ряпушки!

Однако я не кричал: архитекторов и строителей близости не было. Не было тех, кто не жалеет средства на панно, gobelены, орнаменты, витражи, мозаику, но совсем забывает, что современное «общественное место» имеет некоторое отличие от древней усыпальницы. В усыпальницах, как показывают раскопки, было много роскоши, но не было вентиляции. Там она ни к чему.

Нет, я не против стекла и стали. Я против «дискомфортных условий микроклимата». При желании эти условия можно создать, не применяя даже ни стекла, ни стали.

Некоторое время назад в Советском районе г. Куйбышева была открыта экспериментальная школа № 28 на две тысячи учащихся.

И вот я читаю медицинский документ об этой школе: «Анализ воздушной среды в классных комнатах показал, что содержание углекислого газа превышает предельно допустимые нормы от 1,8 до 2,6 раза во время занятий, что приводит учащихся детей к обморочному состоянию, носовому кровотечению, головным болям и оказанию неотложной медицинской помощи в массовом количестве».

В силу изложенного, санитарный надзор считает, что... школа должна быть закрыта немедленно».

Каково построили!

Чудес архитектуры и строительства много. Одно из них — московская гостиница «Минск». Не дом — аквариум! Солнечные лучи прошивают его

насквозь. Спасения от них нет. Но люди приспособляются. Обматывают головы мокрыми полотенцами и так сидят в своих номерах. По духоте летом и холоду зимой «Минск» прочно держит первое место в городе.

От холода защититься сравнительно нетрудно: можно надеть валенки, можно укутаться в плед, одеть шаль, оренбургский пуховый платок. От духоты средств мало. Форточки, вентиляторы. Но их нет.

Слышу реплику: «Что это вы старину проповедуете в век кибернетики и звездоплавания? А про «кондишен» забыли?» Нет, про установки кондиционированного воздуха я не забыл. Кондиционированный воздух — это всеосвежающая мечта. Когда сидишь во Дворце съездов или Дворце спорта, чувствуешь себя хорошо и легко, как новорожденный. Хочется дышать глубже. В отличие от того же «Минска».

Главный повар ресторана гостиницы «Минск» Б. Н. Андреев несколько лет работал в южных странах.

— Борис Николаевич, жарко там?

— Очень жарко. Сами понимаете, экватор. Но на моей кухне, несмотря на горячую плиту, было, в общем, прохладно: эр кондишен.

— Теперь вы опять в Москве. Москва — это не экватор...

— ...Но на кухне жарче, чем на экваторе! Порою посетитель ресторана кричит: «Безобразия! Бифштекс не прожарен. Повара сюда!» И не знает человек, что повар не появляется не потому, что увиливает. Повар в это время нюхает нашатырь. В общем, как это поется: «Товарищ, не в силах я вахту стоять...»

Ах, кондишен! Нет жизни без тебя ни машине, ни человеку.

Человек, в какие условия его ни помести, свикается-обвыкается. А машина — нет. Электронные вычислительные машины, если нет кондишена, начинают безбожно врать. В этом смысле поговорка «Человек не машина» приобретает обратный смысл.

Еще раз произнесу: «Ах, кондишен?!»

А что толку от этих сантиментов?!

Кондиционеров у нас выпускается мало, крайне мало. Достаточно сказать, например, что убедительная просьба морского торгового флота дать 153 кондишена была удовлетворена весьма частично. Дали только... три установки.

Ну, а если кондиционеры получены? Если счастье, даваемое по разверстке, привалило к вам? Не радуйтесь. Только двадцать процентов установок, что смонтированы в общественных местах, работают.

Остальные отдыхают. Отдыхают по причине того, что и сделаны не бог весть как и что люди не знают, как с ними обращаться. Техников нет, инструкций нет. Нет обслуживающей кондиционеры организации.

В гостинице «Украина» и кинотеатре «Россия» ввиду того, что автоматика закапризничала и подвела, перешли на ручное управление:

— Нюрка, сбавь температуру, поддай влажности!

Это чисто банный разговор. Для того, чтобы поддать пару, кондиционеры, оснащенные автоматикой, не нужны.

Прочитав несколько килограммов докладов, актов и диссертаций на тему о чистом, хорошем воздухе, я спросил себя: «Так в чем же дело? Есть проектные бюро, есть заводы, что-то делается, дело вроде не стоит на месте».

Все есть, дорогие читатели. Есть даже перерасход по смете.

Беда в том, что не занимаются этим делом всерьез. Видимо, сказывается инерция: дышали мы хиленькой атмосферкой раньше, подышим и впредь. Не первая необходимость. Мы не аристократы, не лендлорды. Есть задачи поважнее, чем всякие там вентиляции и кондиции.

А тем временем служащие одного важного учреждения, обращенного окнами к солнцу, лежат на полу. Лежат и ждут «Скорой помощи».

Вы хотите знать, какого именно учреждения? Того самого, которое занимается кондиционерами.

Как ни парадоксально, они сами не уберегли себя.

Предвижу опровержение. Его напишут сотрудники Центрального и Московского научно-исследовательских и проектных институтов.

Возражая автору этих строк, они скажут: мы на полу не лежали, в наших комнатах так тесно, что упасть на пол практически нельзя, можно упасть только на чертежную доску соседа.

Что ж, тем хуже! Тем острее проблема, тем чаще раздаются выкрики:

— Свежего воздуха дайте! Атмосферушки!

— С чего пьете-то?
 — С горя! В кино не пустили... Шестнадцати лет еще нет!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Габриэль ЛАУБ

АФОРИЗМЫ

За всю историю человечества никто не преследовал сатиру. Преследовалась только содержащаяся в ней правда.

Новое слово в искусстве может сказать только человек, которому не хватает эрудиции, чтобы знать: все уже было сказано.

Чем выше пьедестал, на который всиарабался нарлик, тем лучше видно, что он нарлик.

Кошка абсолютно искренне утверждает, что она любит мышей.

Человеческая жизнь становится более продолжительной. Значит, будем дольше надеяться, что когда-нибудь что-то сделаем.

Нам труднее жить, чем нашим предкам, потому что приходится раздобывать намного больше вещей, облегчающих жизнь.

Недостаточно уметь работать, надо еще работать.
 Недостаточно работать, надо еще уметь работать.

Лентяи до сих пор не создали теории лени.

Журналистская техника теперь столь совершенна, что мы узнаем о происходящем на другом полушарии намного раньше, чем о том, что делается у нас.

Собана, которая лает, не кусается. Но она ведь может перестать лаять!

Посадите его в первый ряд, и он будет аплодировать чему угодно.

Как правило, всем нравится то, о чем известно, что оно всем нравится.

Перевод с чешского.

МИНИАТЮРЫ

Н. ФЕДЮРКО

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

В дополнение к диплому
 Предлагали молодому:
 Закарпатье,
 Зауралье,
 Закавказье,
 Заполярье...
 Но потупил он глаза,
 Услыдав такие «За»,
 И ответил краткой речью:
 — Нет!
 Хочу в
 За... москворече!

МЕСЯЦ НА ФЕРМЕ

Лишь на каких-то
 Тридцать дней
 Вручили ферму
 Человеку —
 И не осталось на ней
 Ни «бе»,
 Ни «ме»,
 Ни «кукареку»...

г. Ленинград.

Владимир ЗУБИХИН

ЕЖИХА-МОДНИЦА

Ежиха хвасталась Ежу:
 — Класс новой моды покажу:
 Вот как дождусь своей полочки,
 На бигуди завью колючки!

МУШИНОЕ ИСКУССТВО

С обидой Муха всем жужжала:
 — Народ здесь темный, я гляжу.
 Мое искусство ценят мало.
 А я по потолку хожу!

ПРЕМИЯ

— За что был премирован
 Попугай?
 — А он кричал: «Давай, давай!»
 Мораль ясна:
 такая глотка
 Для штурмовщины — ценная
 находка.

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

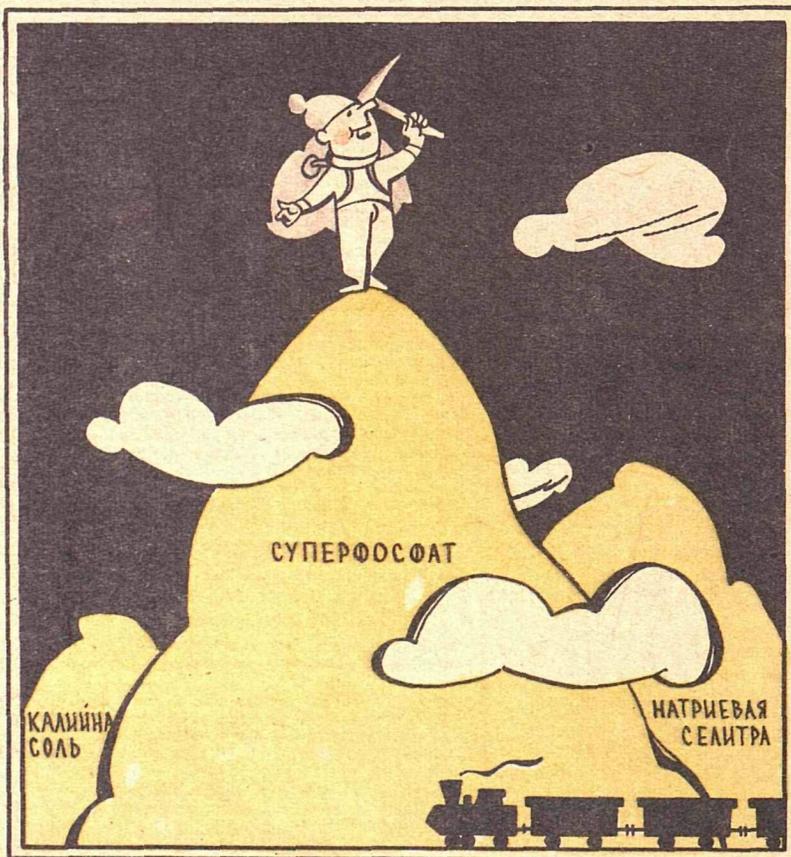
Смеялся старый Пень над
 Кленом:
 — Ну надо ж быть таким
 зеленым!

ЗАНИМАЙТЕСЬ ФОТООХОТОЙ,

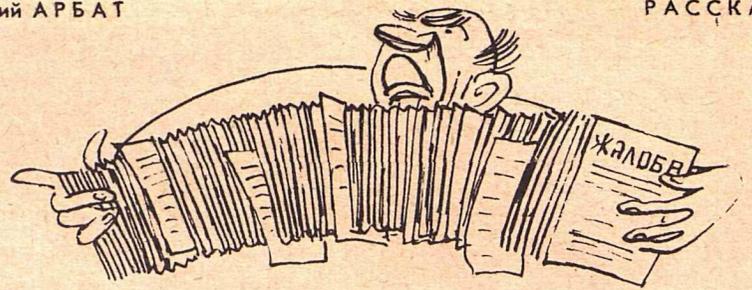
Рисунок М. УШАЦА

МОЯ РЕКЛАМА

ЗАНИМАЙТЕСЬ АЛЬПИНИЗМОМ!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Можете жаловаться!

Жена что-то не так сказала Ивану Никаноровичу, и он, злой на весь мир, вышел, хлопнув дверью, из дому, сел в маршрутное такси, рассчитывая добраться до магазина на улице Горького. Побродит он там от прилавка к прилавку и, кто знает, может, забудет о неприятностях. Иногда это помогало.

Иван Никанорович полагал, что коль скоро он пенсионер, все, и в первую очередь жена, должны относиться к нему с особой чуткостью: как никак сорок лет отбарабанил бухгалтером.

Себя Иван Никанорович считал отнюдь не злым, а только справедливым. Если бы в душе его заспорили два голоса, победил бы тот, который утверждал, что на свете нет справедливее человека, чем Иван Никанорович. Поэтому он всех критиковал (жену в первую очередь), всех поучал (жену больше других), вне зависимости от того, просили у него совета или нет, нравилось это людям или не нравилось.

Раздумывая о своем высоком назначении — быть судьей чужих пороков и недостатков, — Иван Никанорович сел в маршрутное такси и нервно закурил.

— Гражданин, здесь курить не разрешается, — довольно миролюбиво, но вполне определенно заметил шофер.

— То есть как не разрешается?! — переспросил предельно пораженный Иван Никанорович. (Что же это на свете происходит — ему кто-то делает замечания!)

— А вот так, — объяснил шофер. — Если вы едете в персональной машине или берете такси для одного себя — курите сколько вздумается. А в маршрутной машине гляньте сколько народу! Могут быть и такие, что не выносят табачного дыма. К примеру, гражданка справа сразу закашлялась. — Безобразие! — вскипел Иван Никанорович. — Имейте в виду, я буду жаловаться!

Он бросил папиросу в окно и пошарил в кармане, разыскивая блокнот, куда обычно заносил все замеченные им неполадки и неурядицы. — Жаловаться? На что? — искренне удивился шофер. — Ведь правило...

Но Иван Никанорович зловеще и многозначительно молчал. Заявление директору таксомоторного парка Иван Никанорович написал со свойственной ему обстоятельностью и не без сарказма:

«Обращаю Ваше внимание, товарищ начальник, на вызывающее поведение водителя, назвавшегося Грунюшкиным. Когда я, желая использовать культурный транспорт, существующий в столице нашей Родины, сел в машину, вышеуказанный водитель Грунюшкин (а может быть, он указал и не свою фамилию) заявил, что в машине не курят, чем посягнул на мои права как гражданина. Надеюсь, вернее, даже уверен, что Вы строго укажете водителю или наложите соответствующее дисциплинарное взыскание, а завершенную выписку из приказа направите мне по адресу...»

Через несколько дней вместо выписки Иван Никанорович получил письмо начальника таксомоторного парка с сообщением, что шофер Грунюшкин действовал правильно и накладывать на него взыскание не за что.

— Ах так! — угрожающе процедил сквозь зубы Иван Никанорович и сел писать заявление начальнику городского управления пассажирского транспорта с жалобой и на шофера и на начальника парка, «который по вполне понятной заинтересованности явно потворствует недисциплинированным водителям».

На жалобы у нас положено обязательно отвечать. Получил ответ и Иван Никанорович. Управление городского транспорта сообщило, что факты проверены и установлено: шофер прав, наказывать его не за что. И недисциплинированным его назвать нельзя, так как он один из лучших работников парка.

— Ах так! — угрожающе сказал Иван Никанорович и сел писать жалобу на начальника городского управления пассажирского транспорта, прося тщательно проверить, кто занимает столь ответственный пост на важнейшем участке бытового обслуживания населения.

С тех пор прошло несколько месяцев. Иван Никанорович завел целое дело, куда аккуратно подшивал копии жалоб и ответы на них. Он стал адресовать свои вопли о попорченной справедливости все выше и выше, сразу в несколько адресов.

Я не знаю, в какую инстанцию послана очередная жалоба Ивана Никаноровича. Но я предвидел, что после опубликования этого рассказа очередная жалоба Ивана Никаноровича последует на меня с обвинением в защите чуждых нравов. И даже догадывался, куда меня бы могли вызвать для расследования и проверки фактов:

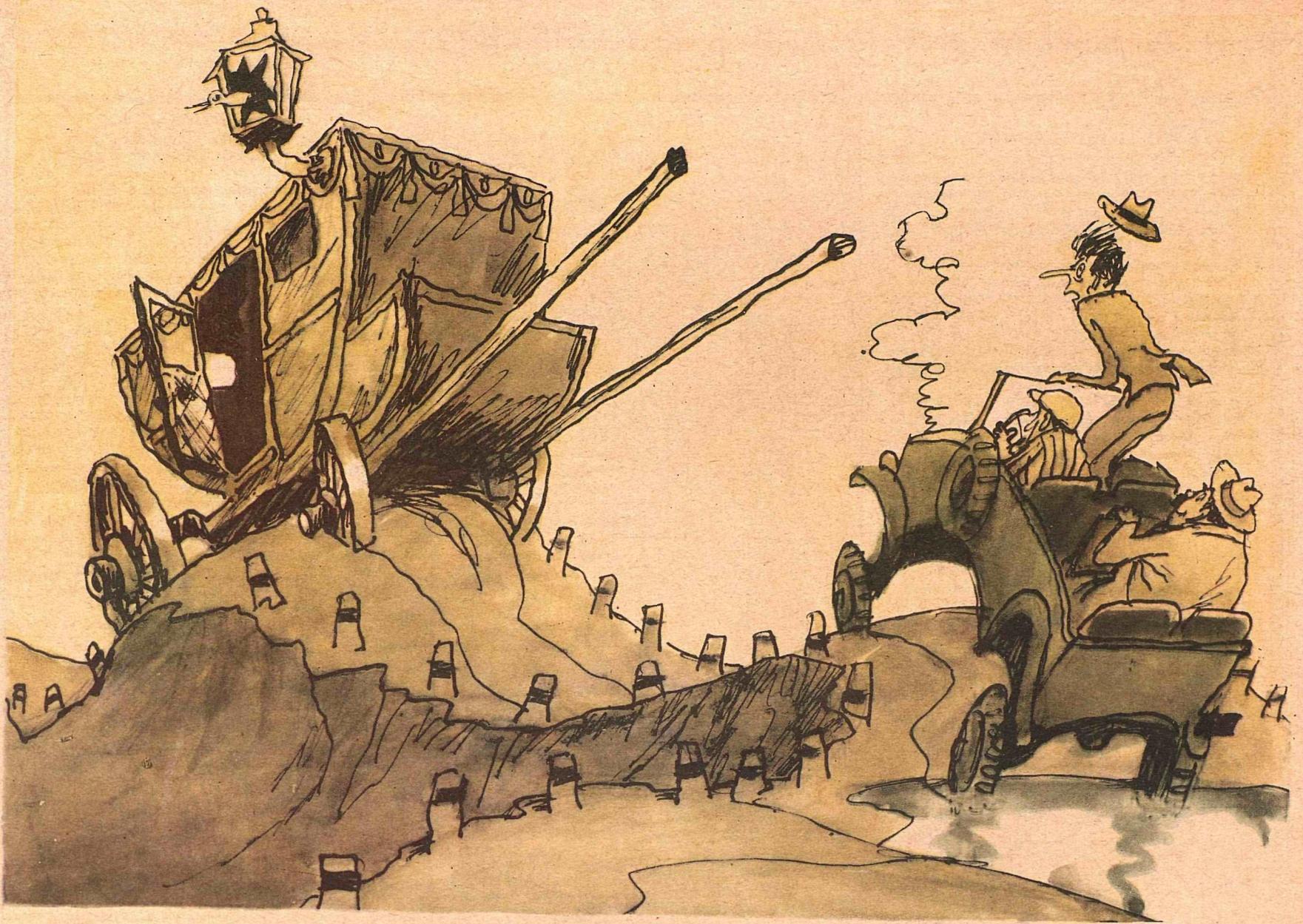
а) в редакцию,
б) в Союз писателей,
в) в поликлинику, где я наверняка должен был бы лечиться, затасканный по инстанциям.

Так вот, предвидя все эти мытарства, я и схитрил: заменил фамилию шофера и назвал первые попавшиеся имя и фамилию настырного крючкотвора. Сунется этот «Иван Никанорович» с жалобой на меня, а я скажу:

— Это всего-навсего плод моей фантазии. Тогда с меня и взятки гладки: кому будешь жаловаться на плод фантазии? В плодовоощторг?

А все добропорядочные граждане, которые столкнутся с этим сутягой-надомником, догадаются и без указания фамилии. И будут гнать его, чтобы он не мешал людям жить.

Читателям же даю слово: все написанное здесь — чистая правда.

— Так, говорите, вы отремонтировали этот участок недавно?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КТО ОТКРОЕТ МНЕ СЕКРЕТ?

Обвиняемый писал стихи. Спешить ему было некуда, свободного времени хоть отбавляй (слово «свободный» в данном контексте следует понимать крайне однобоко), и начал он издали:

Кто откроет мне секрет,
Почему начала нет,
Нет начала, нет конца
У куриного яйца?

Затем автор развивал тему, высказывая некоторые мысли по поводу того,

Кто родился первым — клушка
(Кура, стало быть, несушка)
Или первым налицо
Появилось вдруг яйцо?

Увлечение обвиняемого В. Г. Жукова примитивной версификацией объяснялось, как видно, желанием уйти от злободневных проблем в область схоластических мудрствований. Ну что ж, с обвиняемыми это бывает. Но не будем идти на поводу у оторванного от жизни заключенного. Обратимся к данному конкретному уголовному делу.

А данное уголовное дело, если перевести его на язык грубой прозы, представляется весьма простым. Директор Херсонского треста столовых и ресторанов Николай Григорьевич Бондарь, мучимый благородными заботами о благоденствии вверенной ему сети общественного питания, решил пополнить истощившийся запас паюсной и зернистой икры в городе Херсоне.

Правда, на этом пути возникли непредвиденные препятствия:

а) указанную икру ни в областном центре, ни в его окрестностях рыбы не мечут, а в порядке разнарядки получить ее можно лишь в весьма ограниченном количестве;

б) заготовка и продажа икры являются исключительной монополией государства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Что будем делать, орлы? — спросил Николай Григорьевич, собрав узкий круг верных ему людей из числа тех, по которым давно плачет тюремная решетка.

Орлы положили глаза друг на друга, потом поглядели на любимого шефа и сказали хором:

— Какой может быть вопрос? И какие могут быть препятствия?

Тут же был выработан детальный план лихой операции по децентрализованному захвату «осетровых рыбпродуктов», как застенчиво стали именовать черную икру в официальных документах. Торговые «орлы», облеченные особым доверием шефа, едут в Гурьев и Астрахань, по дешевке скупают эти самые рыбпродукты у браконьеров и пересылают их в Херсон почтовыми посылками (преимущественно в частные адреса). Адресаты, получив почтовые отправления, извлекают из них «левою» икру и сдают ее уже по заготовительным ценам для реализации в торговые организации, отчего она немедленно превращается в «правую».

— Дело, конечно, рискованное, — профессионально заметил некто Григорьянец, — нужны полномочия.

— Официальные и на бланке, — быстро добавил Жуков.

За полномочиями дело не стало. Бондарь выдал доверенность, коей херсонским коммивояжерам — охотникам за икрой — разрешалось заключать любые торговые сделки, нанимать и увольнять рабочую силу и полностью распоряжаться выделенными им крупными кредитками. А для крепости «орлы» были снабжены такой бумагой — мандатом с подлинной подписью:

«Удостоверение.

Настоящим удостоверяется, что работник Херсонского треста столовых и ресторанов тов. Григорьянец Рубен Саркисович направляется в прикаспийские города — Астрахань, Гурьев и районы Каспия для закупки осетровых рыбпродуктов.

Херсонский облисполком просит оказать содействие вышеуказанному товарищу по производству закупа рыботоргов осетровых пород.

Зам. председателя исполкома Херсонского областного Совета депутатов трудящихся В. Анисимов».

И «закуп» начался. «Вышеуказанные товарищи» покупали у браконьеров икру за бесценок. А затем сдавали оную по «твердой» закупочной цене — по 12—13 рублей за килограмм. Разница шла в их карманы.

На третьей поездке «вышеуказанных товарищей» поймала милиция как раз во время «производства закупа» на Гурьевском базаре. В результате «товарищи» превратились в «граждан обвиняемых».

...Я приехал в Херсон, когда заканчивался суд над семью участниками икряной эпопеи. Фемида уже опускала свой грозный меч на головы жуликов из торговой сети, дабы не повадно им было расхищать государственное имущество. Но, повольте, где же суровость на лице непреклонной Фемиды? Где ее благородный гнев? Приговор, по которому трое из подсудимых отпущены восвояси, а остальным дали не очень длительные сроки, встречен аплодисментами... родственников подсудимых.

Может быть, в этом есть резон и всю мощь закона решено обрушить на организатора и идейного вождя икряной операции?

Организатора и идейного вождя я на скамье подсудимых не обнаружил. В кабинете директора городского треста столовых и ресторанов его тоже не было. Впрочем, не было и самого треста: его упразднили. «Поделом», — подумал я и направил свои стопы в вышестоящую организацию — городской торговый отдел, горя желанием узнать о судьбе Николая Григорьевича.

За столом сидел внушительного вида мужчина и давал ценные указания по телефону.

— Слушаю вас, — сказал он, положив трубку.
— Вы заведующий?
— Я исполняю его обязанности.
— Простите, ваше имя и отчество?
— Николай Григорьевич Бондарь. А что вы хотели?

Я ничего не хотел. Вопросов к Бондарю у меня не было. У меня был вопрос к председателю Херсонского горисполкома П. А. Яковенко.

— Как вы смотрите на новое назначение Бондаря?

— Видите ли, — мягко сказал Яковенко, — на суде мы не были, а материала о Бондаре в горисполком не поступало.

По зрелом размышлении намеренные рассуждения гражданина Жукова о том, что появилось раньше, курица-несушка или яйцо, показались мне не такими уж оторванными от жизни.

Ю. БОРИН,
специальный корреспондент «Крокодила».

г. Херсон.

СЛЕПЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ

И Гришка и Тришка — ребята что надо.
Но звезд не хватают — ума не хватает.
Работают оба в системе Главсада
и делают все, что начальство желает.

Прикажут им клумбы почистить
немножко...
«Ну, что же тут думать! Почистим —
и точка!»

И чистят и чистят...
Лишь рожки да ножки
оставят на клумбах от бедных цветочков.

А вступится вдруг за цветы посетитель,
на этих слепых исполнителей глядя:
Мол, вы бы подумали, что вы творите!..
«Велели — и чистим! А думает дядя!»

Прикажут кусточкам подрезать
вершинки...
«Ну, что же тут думать! Подрежем —
и точка!»

И режут и режут...
Покуда поминки
не справят по этим несчастным кусточкам.

А вступится вдруг за кусты посетитель,
на это дурацкое рвение глядя:
Мол, вы бы подумали, что вы творите!..
«Велели — и режем! А думает дядя!»

А завтра засохшие ветки начальник
прикажет рубить на деревьях,
быть может...
И станут рубить и рубить без печали,
покуда под корень весь сад не положат.

Поди растолкуй им, в чем сущность
работы,
на их идиотское рвение глядя!
У Гришки и Тришки иные заботы:
«Велели — и рубим! А думает дядя!»

Слепой исполнитель в работе опасен.
Сплеча да под корень рубить он охотник.
Лишь тот, кому замысел близок и ясен,
сегодня и есть настоящий работник.

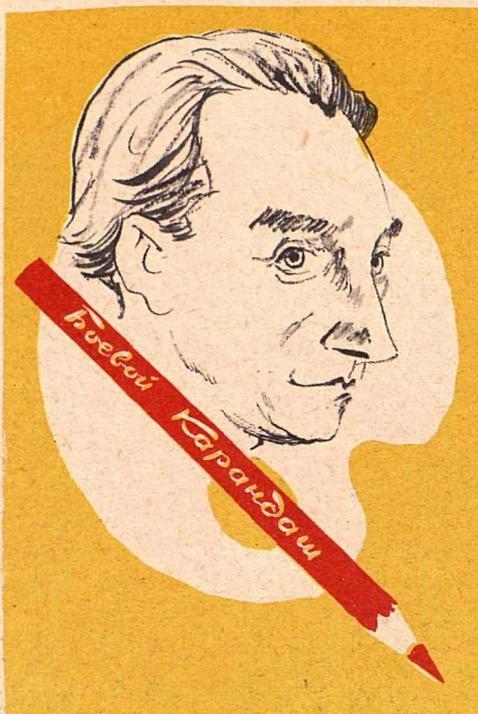
КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

В какой-то будний день —
во вторник или в среду,
а может, в пятницу —
совсем не в этом суть —
забрел
нежданный гость
на огонек к соседу,
пофилософствовать
и горло сполоснуть.

Хозяин гостю рад.
Перцовую открыл.
Уставил стол
вкуснейшими вещами,
не пожалев аж сайры,
что добыл
в буфете
на каком-то совещании.

Текла беседа.
Нам не перечить
вопросов,
что они перетряхнули.
Однако за полночь —
пора бы знать и честь.
Но гость сидит,
как каменный, на стуле.

Перцовка вся,
и чай уже допит.
На циферблате
полвторого ночи.
А захмелевший гость
гудит,
дудит,
бубнит
о том
о сем,
об этом
и о прочем.

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Хозяин встал,
вздыхнул:
«Да-да! Ты прав!
Но, понимаешь,
спят жена и теща!..»
А пьяный гость,
все темы перебрав,
икнул — рыгнул,
взревел: «Дымилась роща».

Гость наорался всласть
и задремал.
Хозяин наш
совсем дошел до ручки.
Он крепко обнял гостя
и сказал:
«Послушай!
Дай
десятку до получки».

Гость протрезвел.
Гость побелел, как снег.
И прыг за дверь.
И с лифтом
провалился...

Как хорошо, друзья,
что человек
от скудости
еще не излечился!

ПЕСНЯ НОВЫХ КВАРТАЛОВ

Это было, товарищи-граждане,
там, где новый построен квартал...
Он, томимый любовною жаждою,
через ямы к любимой скакал.

А кругом — ни огня, ни фонарика...
Ничего не светило ему.
Он о бочку с олифой ударился
на площадке Девятого СМУ.

Оступился и с горечью тайною
вспомнил маму и в яму упал.
Лишь наутро нашли у щита его
«РАНЬШЕ СРОКА
СДАДИМ ВЕСЬ КВАРТАЛ!»

Тишь больничная. Простыни влажные.
Горько плачет профессор седой...
Снимем шляпы, товарищи-граждане,
над загубленной жизнью молодой!

Шутейная лирика

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Что есть любовь?
Дар божий?
Наваждение?
Прикрашенный инстинкт деторождения?
Венец всех чувств?
Или примета роста?
А может,
любопытство это просто?..

Сначала любопытно, что таят
ее улыбка робкая и взгляд.
Потом постичь захочется до дна
все, чем живет,
все, чем полна она.
А после —
близость полную познать
и вечного единства благодать...

А некоторым знать необходимо:
действительно ль
она незаменима?

ПОРАЖЕНИЕ

Атаки кончены.
Горнист гремит отбой.
Вдали дымится непокорный город...
Как долго воевали мы с тобой!
Давай сойдемся
для переговоров.

Я ухожу
из-под разбитых стен.
Гашу костры.
Снимаю жгут блокады.
Война проиграна.
Есть выход — сдать в плен.
Но ведь тебе...
и в плен меня не надо!

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

Огонь упал на лед
и растопил его.
И залит был
разлившейся водою...

Вот так и ты
от чувства моего
растаяла,
вдруг став моей бедою!

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ

Моя любовь
тебе не дорога,
Ты все твердишь:
Ты жалок и смешон.
Меня в штыки
встречаешь, как врага,
и, как собаку,
вечно гонишь вон.
Вот и сейчас,
как соль, на раны мне
твои остроты
сыплешь без конца...
А я молчу,
хотя душа в огне
и от обиды
нет на мне лица.
Ты родила
в добрейшем из сердец
губительную бурю...
Ну и пусть!
Довольно унижаться!
Vse!

Конец!
Нет больше сил!
Я ухожу!..
Пройдусь.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Однажды видный, но в высшей степени нечестный и беспринципный американский политический деятель во всеуслышание хвастался своими успехами и высоким положением, которое он занимал:

— Но что самое главное — я добился всего своими собственными руками. Да, сэр, я, можно сказать, сам себя сделал.

— Рад это слышать, — заметил его собеседник. — Ведь это снимает с господина бога очень серьезную ответственность.

Один человек, обвиненный в краже, предстал перед судьей, который славился своей добротой.

— Вас когда-нибудь раньше приговаривали к тюремному заключению? — мягко спросил судья.

— Никогда! — воскликнул подсудимый и зарыдал.

— Ну, ну, не плачьте, мой дорогой, — утешил его судья. — Сейчас мы это исправим.

Поднявшись впервые в жизни на самолете, молодой гражданин спрашивает у стюардессы:

— А парашюты вы даете?

— У нас это не принято, — отвечает она.

— Однако на борту морских кораблей пассажирам дают спасательные пояса.

— Но мы же не в море. Пассажир вздохнул:

— До сих пор мне казалось, что людей, которые умеют летать, значительно меньше, чем тех, которые могут плавать.

Молоденькая девушка, собиравшая деньги на нужды церкви, обратилась к мистеру Брауну с просьбой пожертвовать сколько он сможет.

— А для кого предназначены эти деньги? — поинтересовался мистер Браун, доставая из кошелька монету.

— Для бога, — ответила девушка.

— А сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— А мне уже восемьдесят семь, и думаю, что я увижу бога гораздо раньше, чем вы, — сказал мистер Браун, снова пряча монету в кошелёк. — Пожалуй, я передам ему деньги сам.

В одном провинциальном городке муниципалитет приобрел громадную пожарную машину. Жители живо обсуждают это событие:

— Представь, сколько нужно пожаров, чтобы оправдать такую покупку!

— Что ты скажешь о новом братике, которого ты получил в подарок?

— Я считаю, что есть много других вещей, в которых мы нуждаемся гораздо больше.

— Ты знаешь, в моем саду вели раскопки и обнаружили скелет римского солдата.

— Боже мой! Надеюсь, тебе удалось отвести от себя подозрения?

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Фото Г. ДАНСАРАНОВА

г. Улан-Удэ.

«Лошади вместе с наездниками одеваются во дворце культуры и выезжают со стороны улицы Железнодорожников».

(Из инструкции по проведению праздника).

«Я выпил с другом, которого я не встречал около двух месяцев, и в душевном состоянии выбросил в форточку стул и бидон алюминиевый (объем 2 л.)».

(Из объяснения).

Выписал С. ВЕЛИКАНОВ.

г. Ленинград.

«Старший бухгалтер т. Воскобойников П. Л. заслуживает строгого наказания, но учитывая, что т. Воскобойников уволен, от взыскания освободить».

(Из приказа).

Выписал П. АЛЕКСЕЕВ.

г. Южно-Сахалинск.

«К сведению пассажиров. Лица, сдаваемые в багаж или грузобагаж, неделимые грузы такие как мотоциклы с коляской, холодильники, стиральные машины, шифанеры и т. д. принимаются по фактическому весу».

Администрация вокзала станции Самбор».

(Отпечатано в Самборской типографии).

Прислала М. КАРПОВА.

г. Самбор.

«Для решения вопроса по обработке хомутов просим срочно командировать Вашего представителя вместе с чертежами, в комплекте с которыми обрабатываются хомуты».

Главный инженер воскресенского завода «Машиностроитель» В. Степанов.

(Из служебного письма).

Копию снял С. ЯМАДА.

г. Серпухов.

«По существу Вашей жалобы отдел торговли горисполкома сообщает, что изложенные факты при проверке не подтвердились».

За проявленную грубость и неправильные действия продавец ЩЕРБИНА строго предупреждена.

Зав. отделом торговли горисполкома Н. Островерхий.

(Из ответа на жалобу покупательницы).

Прислала Д. ВОЛКОВА.

г. Краснодар.

«Она высокими привесами платит за все доброе, что сделали для нее люди».

(Из письма в редакцию газеты).

Прислал Ф. КОРЮКИН.

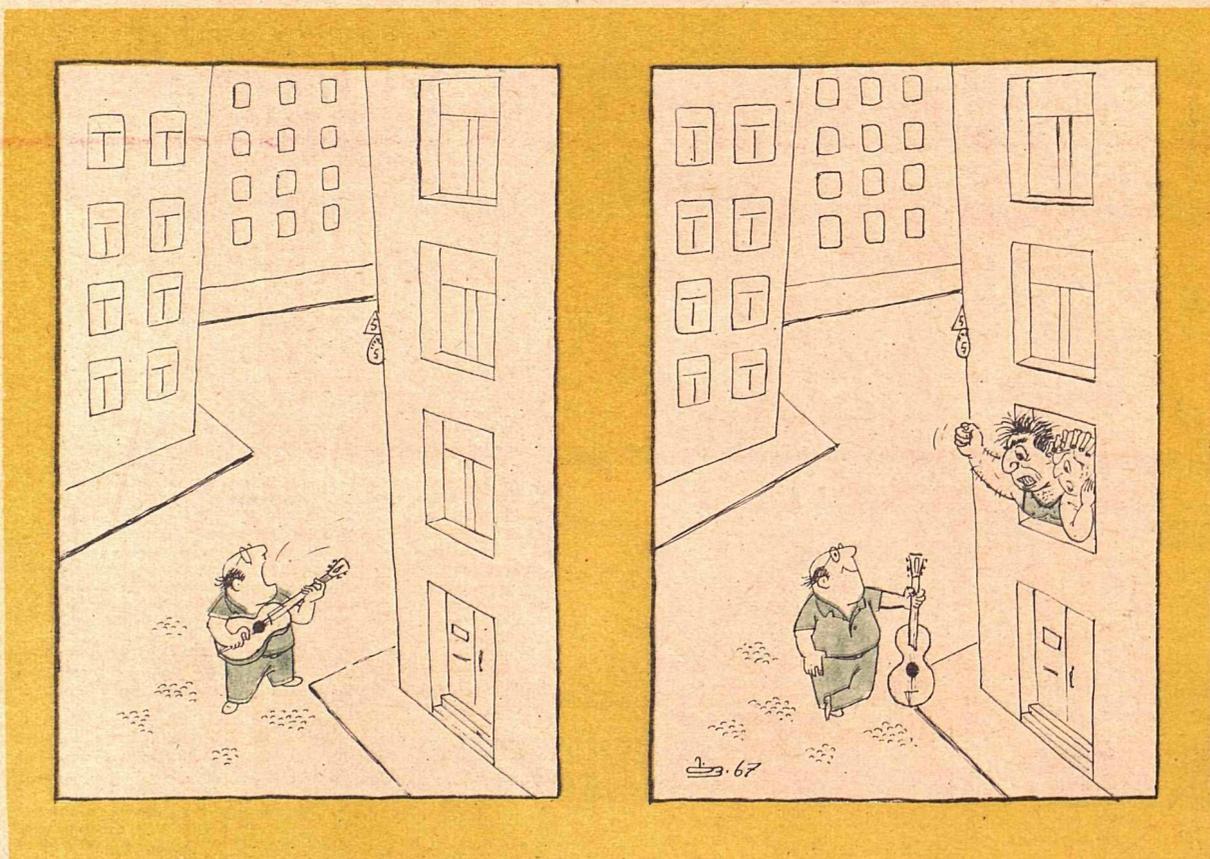
г. Вологда.

(Так оформлена витрина магазина № 58)

Фото А. ЖДАНОВА.

г. Рязань.

— Ага, не нравится! А ваш сын под окном нашей дочери всю ночь так поет.

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА

По грибы

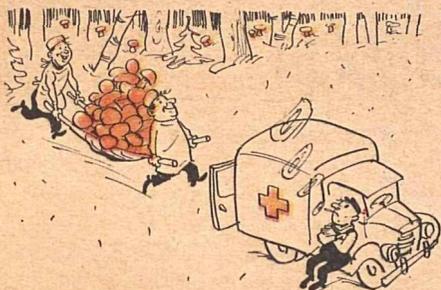
Рисунки А. ГРУНИНА
и В. ЖАРИНОВА

Грибники на привале

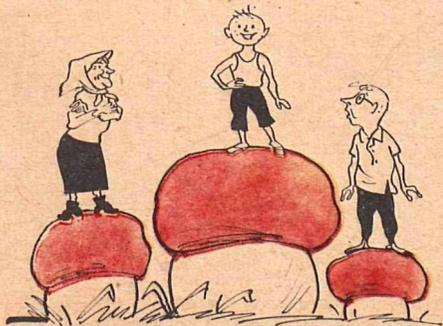
На распутье

По вызову из леса

— Белых в сметане... и побыстрей!

Чемпионы

Происшествия

Как приобрести «Волгу»?

В ереванский магазин «Автомобиль» пришли Арутюнян и Тотевосян.

— Дорогой! — позвали они продавца. — Нам две «Волги», быстренько!

— Один момент, — сказал продавец, доставая книгу. — Сейчас поставим на очередь.

— Зачем очередь? Не надо очереди.

— Без очереди нельзя.

Тогда Арутюнян и Тотевосян отправились к старому мудрецу Сандро. Старый мудрец Сандро посоветовал ехать в Донбасс. В Донбассе, сказал он, достанете «Волги» без очереди. Стоит только в ресторан зайти и громко сказать: мне нужна «Волга»!

Сели Арутюнян и Тотевосян в поезд и приехали в Луганск. Глядят — ходят по перрону носильщики, тетка пирожки продает, а «Волг» нету. Но они не пали духом. Побрились и пришли в ресторан «Украина».

Здесь они, помня наставления старого мудреца Сандро, три дня подряд пили армянский коньяк и громко говорили друг другу о том, что им нужны «Волги» и чтоб без очереди.

— А денешки, — говорили они, — вот они, — и хлопывали пачечками о стол.

На четвертый день к ним подсел товарищ с усиками.

— Меня зовут Коля, — сказал он. — Возьмите мне бифштекс.

Коле взяли бифштекс. Он съел его и сказал, что «Волги» будут завтра, в шесть вечера.

— Тут недалеко, — сказал он. — На улице Фонтанной. В Днепропетровске.

Друзья прокричали «Ура!» и заказали пять бутылок коньяку. Смущало, правда, что улица Фонтанная несколько далекоовато — аж в Днепропетровске, но потом смущать перестало. Первого перестало смущать Тотевосяна. Он сказал, что счастлив, и попытался лечь на стуле да еще вытянуть ноги. Но Коля поднялся и сказал, что пора ехать на улицу Фонтанную, которая в Днепропетровске. Коля был трезвый.

Он говорил, что у него язва двенадцатиперстной кишки и пить ему воспрещается. Затем он позвал товарища, и они вдвоем перенесли Тотевосяна в поезд. Рядом уложили Арутюняна.

Проснулись друзья одновременно.

— Коля, — позвали они слабыми голосами. — Уже Фонтанная?

Коли не было. Денег тоже не было. Даже на трамвай не оставили, подлецы! В милицию пришлось ехать «зайцами».

Преступников вскоре задержали, но Арутюнян и Тотевосян до сих пор не успокоились.

— Ах, бесовестные! — говорят они о Коле и его товарище. — Легкого пути захотели. Вот бог и наказал!

В. ВИШМИДТ,
майор милиции.

г. Луганск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

СЛОЖИТЕ ВАШ ЗОНТИК!

Нет, мы не критиковали огульно. В заметке «Экскаватор под зонтиком» («Крокодил» № 15) было ясно сказано, что Златоустовский завод выпускает неплохие экскаваторы. Да вот беда: нет кабины, и в непогоду или солнцепек водителю приходится прятаться под домашним зонтиком.

Главный инженер Златоустовского машиностроительного завода тов. Рохлов сообщил, что зонтики вскоре не понадобятся. Уже изготовлены опытные образцы новой модели экскаватора «Э-2515», на которых предусмотрена установка кабины. Серийный выпуск новых машин начнется в 1968 году.

«РОЗА ДЫМОВ»

О едном дыме, о загрязнении воздуха и вод промышленными отходами предприятий Донецкой области шла речь в фельетоне под таким названием («Крокодил» № 14).

Фельетон был рассмотрен Министерством черной металлургии СССР. Как сообщил заместитель министра тов. Борисов, на ближайшие годы намечена большая программа оздоровления воздушных и водных бассейнов металлургических предприятий страны. Только за пятилетку будет израсходовано на эти цели около 620 миллионов рублей.

Поскольку основными источниками загрязнения атмосферы являются мартеновские печи, применяющие продувку ванны кислородом, этому вопросу уделено особое внимание. Планируется ввести в эксплуатацию до 1970 года 86 газоочисток за мартеновскими печами.

Кроме того, будут установлены 95 газоочисток за электросталеплавильными печами, 12 установок сухого тушения кокса, 103 установки бездымной загрузки консовых батарей...

Заместитель министра тов. Борисов — опытный металлург, много лет работавший на знаменитой Магнитке. Вот почему Крокодил с удовлетворением приводит заключительную фразу подписанного им письма:

«Перечисленные, а также ряд других мероприятий позволят к концу 1970 года значительно оздоровить воздушный и водный бассейн металлургических предприятий».

Крокодил надеется, что рейд его корреспондентов по Донецкой области, который будет проведен в 1970 году, уже нельзя будет озаглавить «Роза дымов».

Ввиду отсутствия последних.

КРОКОДИЛ

№ 23 (1853)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, В. Каневский, Н. Лисогорский, Г. Пирцхалава, Ю. Степанов, В. Тильман, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

наш адрес:

МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. А. СМОРНОВ
А. В. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00184.
Подписано к печати
9/VIII 1967
Формат бумаги 70×108¹/₂
Объем 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1187.
Заказ № 2280.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Бор. Ефимов - 67

МАРШ АМЕРИКАНСКОЙ СВОБОДЫ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА